
Беги ко мне, мой раненый зверёк,
тебе я сон и сонм, и рагнарёк,
и тьма богов, и снег, и тяжесть льдин,
и Один, жертвующий глаз один,
волна, вальгалла ледяных морей,
уснуть навек — не значит умереть.

БЕЛАЯ ПТИЦА

Белая птица
крыльями
пишет на небесах,
недосягаемой
былью ли,
иссиня-белой
пылью ли
птице дано писать.
Белое облако
облика,
белым стихом
легко,
белым восторгом
ранила,
светом небесного
рая ли,
далью земных оков.
Птица не синяя,
белая,
птица бессильная,
беглая.
Пели мне, крылья,
соло вы
белых одежд
Соломоновых.
Жить бы и жить
набело
крыльями белого
ангела,
душу ему отдать...

С неба молчащим
идолом,

раненой птицей
падала
снежным крылом
вода.

Отравление правдой похоже на грипп,
и чихаешь на всё и на вся.
От болезни — таможенных выхода три,
выйдешь в небо, и в небе вися,
не смотри, как железную птицу трясёт,
а в глазок её круглый смотри
и танцуй с облаками, чихая на всё:
раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, —
это будет как в Англии: белый туман,
островная фантомная боль.
Русский берег, горящий от ума,
разделил это горе с тобой.

ТАЙЛАНД

Девять часов до рая. Много для беглеца. От холода удираю в край культуры-отца. Нищие и монахи, грязь, трансвеститы, вонь — в глянцево́м альманaxe не сказано ничего. Рядом — и рай, и яма. Мало ли в мире ям... «Попробуй, — кричит реклама. — Рис и соус том ям!» Райские фрукты, море, райские острова. Почту на мониторе не хочется открывать. Вечер, закат и сказка: ярче всех лиц луна. С тёмным лицом, как в маске, пляжный официант. Тощие руки, мусор тащит и мой лежак. «Ру́ссия? Купишь бусы?» — «Мелочи нет». (А жаль). Таечка-дочь, два года. — «Дочка всегда здесь днём». Месит песок и воду, банку пивную гнёт, чью-то зубную щётку... — Игрушки-то хоть куда! — «Эй, принеси-ка счёт нам!» — торопятся господа. Редко Тайланд мне снится: как азиатский дракон светится в смуглых лицах,

в мареве облаков. Снится не мякоть манго, не белый Будда-аскет,
а тайский кудрявый ангел, играющий на песке.

ГОВОРИ

Семь раз отмеривай и режь —
вначале будет слово-брешь,
удар змеиного хвоста,
и было так, и будет так.
Собой заделывай дыру,
язык, соври, — и я совру:
вначале не было людей,
но боль рождения идей,
и от нее немая речь
пришла сама себя стеречь.
Но слово — брешь, а, стало быть,
ничто так и не стало быть:
ни ты — начало всех начал,
ни я, кто до тебя молчал.
Но брешь моя —
в тебе,
внутри,
о, говори,
о, говори.

В эпизод финальный не гляди как в воду,
Уходи в банальность, выходи из моды,
Из игры, из позы, из словесной ваты,
Розы да морозы, рифмы виноваты.
Постарей заочно, старость — друг бессонниц,
Бредить лучше ночью, искренней, резонней.
Воплоти реальность в сон, мечты, кошмары:
Бог — для Ницше (жаль, но...), демон — для Тамары,

Гений — для убийства, жертва — для маньяка,
Фрейд — для оптимистов, общество — для драки.
Подними, проснувшись, на молчанье цену
И безмолвной тушей уходи со сцены.

Ты — кто тянет вниз по воде идущих и вино превращает
в кровь. Да увидят глаза, да услышат уши самого короля воров.
Во главе системы тепло и модно, но система дает сбой: ты кры-
латый демон вчера, сегодня, а завтра — бескрылый бог. Слишком
слабый, чтобы держаться неба, слишком сильный, чтобы держать
на себе его взгляд, добрый взгляд, нелепый. Слишком добрый
к тебе, а жаль.

ПУСТОТА

Я говорю в пустоту,
Я говорю с пустотой.
Что ж, пустота, протестуй!
Что ж, пустота, стой!
Как обвинить пустоту,
Как говорить с пустотой?
Спит пустота на посту,
Я к ней ломлюсь на постой.
Как ты пуста, пустота —
От головы до хвоста.
Мне покажи, пустота,
Как в пустоте ты густа.
Есть и в тебе красота,
Есть и в тебе, да не та.
Что ж ты молчишь, пустота,
Что ж ты кричишь, пустота.

Он старый клоун, сед, в глазах прохлада,
И служит век, но через пень-колоду, —
Здесь даже волк завоюет от тоски.
И цирк — тюрьма, и зритель — плут и циник.
Наш друг с одышкой носится по сцене,
Пиджак в заплатках давит, как тиски.
И ненависть растёт и плодоносит,
Когда удел так грустен и так гнусен,
А будущее рядится бедой.
Наш клоун дышит, не снижая темпа,
Рыча, как тигр, бежит, сбивая тумбы
И заряжая пистолет водой.
Но, как назло, совсем не те мишени
Собьют прицел, собратья помешают,
Хлопками, смехом, криком слух бомбя.
Во время нескончаемого бега,
Он, как всегда, прицеливаясь в бога,
Всенепременно выстрелит в себя.

Золотые локоны пахнут лесом,
И играет ветер в них. Тише, тише.
И вплетает желтую ленту. Солнце
Заливает окна раскрытые, душу.
И вплетает синюю ленту. Солью
Растворяясь в комнате, море дышит.
И вплетает коричневую. И горы
Вырастают одна за другой все выше.
И вплетает красную ленту. Горе
Отступает под властью огня все дальше.

Если небо на землю не падает,
Подтолкнуть его можно ли, надо ли —
Легионы небесной падали
Не торопятся удивлять.
Удивиться так трудно чем-либо,
Разглядеть третьим глазом, есть ли Бог, —
И глазница от зла опустела бы,
Опустела б сама земля.
Но земля держит небо — не выронит,
Занята поднебесными играми:
Поиграй-ка с голодными тиграми,
Сосчитай-ка от ста до нуля.
Поднебесными легионерами
Что построено, в то и верим мы
И толкаемся толпами серыми
С неизвестностью у руля.

Мала тропинка — велика удача,
Чем дальше в лес, тем лес шумит иначе,
Чем гуще чаща — больше дров и щепок,
Внутри не заблуждаться вообще бы.
Залезешь в дебри внутреннего леса,
Там чудеса, и стынет кровь, и бесы.
Тропинка уже — стой по ней идущий,
И кто-то дышит в спину, кто-то душит,
Лишишься головы, спасая шею,
Услышишь тишину — и станешь ею.
А выбрался, так побежишь вприпрыжку,
Забуть — забыл, а нет — напишешь книжку.

Я кормила хищную птицу снами,
я кормила вещую птицу днями,
да пребудут птица и небо с нами,
амен.

Я кормила плотью ее, и плотно
загигала в клюве она полотна,
на которых город горит без Лота.
Слеток,
но не хищным будет, а вещим будет,
прилетит субботой, ломая будни,
будет светом, тьмой, а собой забудет
будто.

Я кормила птицу живую хлебом,
я кормила райскую птицу небом,
не летать мне — быть, а летать во сне бы
снегом.

Отрезать косы, выйти босиком
и в пропасти пропасть, и не вернуться.
Не возвращается погасшая зарница
из бархатного чрева облаков.
Пропав, начать упрямо падать вверх
и, падая, измерить бесконечность.
У бесконечности прозрачный позвоночник,
рука из звёзд и оголённый нерв.
Сказать ей шёпотом: «Лети со мной,
а крылья вырастут, пока мы будем падать.
Нет сладостей над пропастью победы,
чем так шептать тебе, тебе одной».

Но бесконечности не привыкать
молчать в ответ и в унисон паденью.
Так в тишине над пропастью бездонной
дитя качает звёздная рука.

Спрятан в музыке Бах,
Спрятан в облаке Бог,
Облачная судьба, —
Музыка есть любовь.
Небо, воспламени
Душу и спрячь меня
В музыке этих струн,
В облаке этих строк.